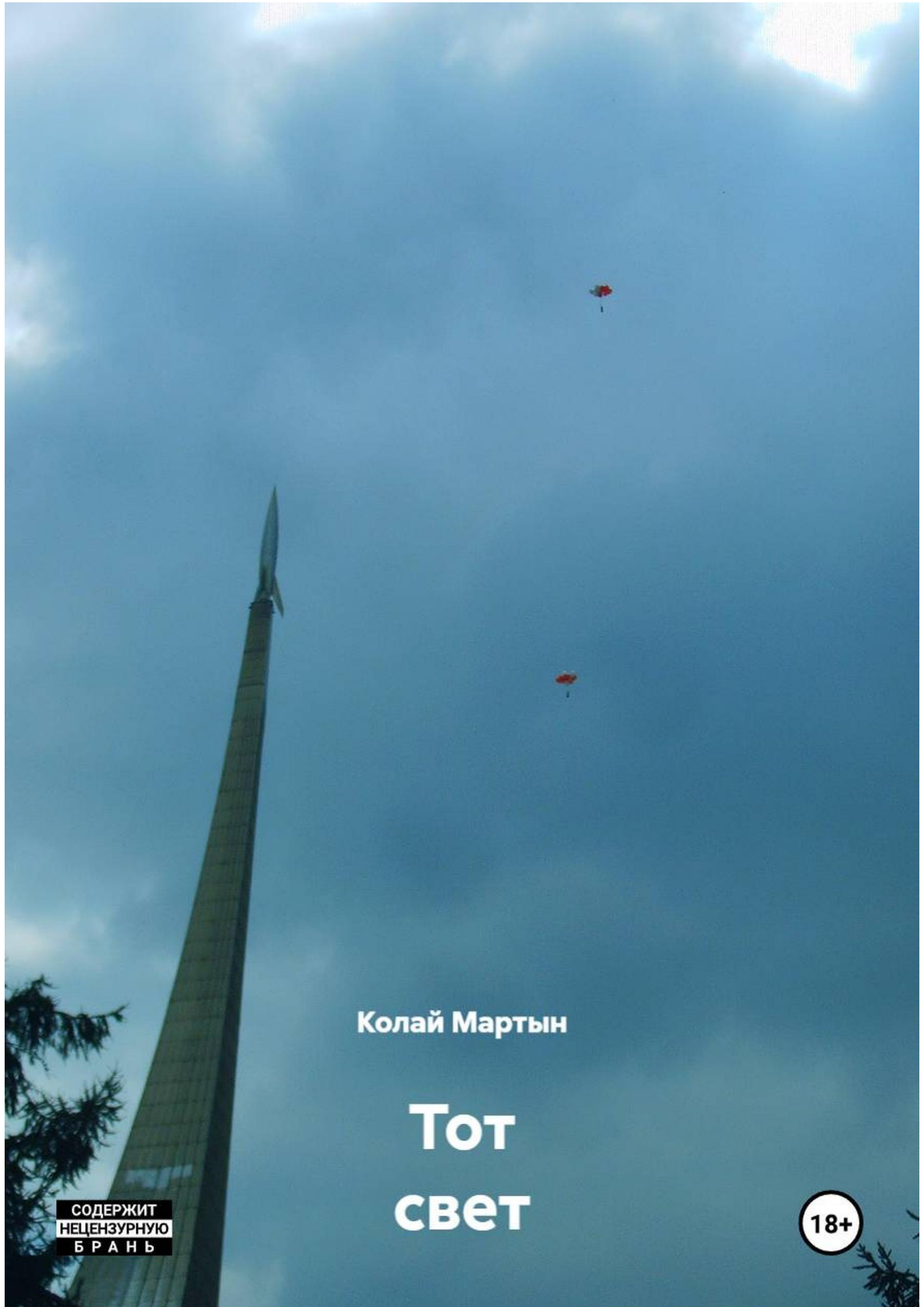

Колай Мартын

Тот свет

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Колай Мартын

Тот свет

«Автор»

2026

Мартын К.

Тот свет / К. Мартын — «Автор», 2026

Любимая женщина главного персонажа оказывается в руках наркоманов и погибает. Главный персонаж проходит в параллельное пространство, чтобы спасти свою любимую.

© Мартын К., 2026

© Автор, 2026

Колай Мартын

Тот свет

Глава 1.

Врачи, - необычные люди.

Врачи большую часть жизни проводят среди боли, среди жалоб на здоровье и на окружающих, среди стонов и помутившихся умов, но сохраняют светлую радость и чистую душу.

Врачи, - избранные, потому, что не каждый может прожить свою жизнь среди стонов и жалоб, сохранив сердечное доверие к людям.

Больницы напоминают огромные мембраны, сквозь которые просеивают тела людей, оставляя на одной из сторон боли и муки, на другой сердечную радость.

Только люди устроены странно, и постоянно возвращают себе то, что осталось на тёмной стороне мембраны.

Недостаточность людского устройства заявляет о себе не громко, но настойчиво и болезненно.

Люди придумали много полезных и эффективных способов сохранить светлые и сердечные силы.

Люди придумали много способов избавиться от светлых и сердечных сил.

Врачи всякий раз отсекают дурное и оставляют светлое.

Только людского родного тела остаётся всё меньше, и светлomu не за что зацепиться в своём стремлении продлить жизнь оптимизированному телу.

Врачи за время своей практики вырабатывают много способов общения с больными.

Любовь Аркадиевна во время разговоров с больными всегда держит руки сжатыми в кулаки в карманах халата.

Медсестра, стоящая за плечом Любови Аркадиевны, время от времени от души материт капризных излечиваемых.

Медсестра смотрит в папку с историей болезни.

Медсестра:

- Дарико Григорьевна Кварцхелия. Героиновый шок. Все процедуры выполнены.

Любовь Аркадиевна внимательно всматривается в лицо Дарико.

Любовь Аркадиевна:

- Который раз?

Медсестра:

- Свободная продажа огнестрелов запрещена.

Любовь Аркадиевна:

- Результат.

Медсестра:

- Состояние стабильно тяжёлое. Неделя проплачена.

Солнце.

Светлое наше Солнце.

Белое наше Солнце, создающее жизнь и тела.

Сколько же сердечного тепла и белого света дарит Солнце окружающему пространству.

Солнце любит всех и живых, и спившихся и сторчавшихся, и ударившихся, и одержимых, и загнанных.

Солнце любит всех потому, что не видит никого и ничего, что отличается от белого света, от светлой души.

Солнце видит только свет.

Солнце греет, но не видит лежащие вдоль тела поверх одеяла, привязанных полотенцами к кровати, тонких белых рук с огромными синяками в локтях, с дырками на венах.

Солнце греет, но не видит худого, красивого, белого лица в обрамлении раскиданных ореолом по подушке курчавых, чёрных, длинных волос. Солнце греет, но не видит распухших, искусанных красивых, синих губ, покрытых белой коркой, красивых светло-карих глаз, закрытых тонкими веками с редкими, длинными ресницами.

Веки медленно, чтобы не спугнуть солнечные лучи, не замечающие белого лица, веки медленно открываются.

Солнечные лучи не замечают стеклянных глаз, летят сквозь светло-карие зрачки, сквозь тонкие красные прожилки в пожелтевших белках.

Любовь Аркадиевна:

- С возвращением.

Тяжёлые, красивые, слипшиеся губы разлепляются трудно, долго.

Тихий, хриплый шёпот робко вылетает между синих, тяжёлых губ, облепленных серым налётом.

Шёпот вылетает долго, дольше выдоха.

Шёпот летает перед лицом серым, растерзанным облачком.

Дарико:

- Это где?

Любовь Аркадиевна наклоняется к кровати, закрывает тенью своего тела от тёплых, радостных солнечных лучей белое лицо.

Прядь чёрных волос на лбу Дарико.

Любовь Аркадиевна выпрямляется, уносит свою тень от белого лица Дарико, открывает резким, живым, светлым тёплым солнечным лучам, видящим только свет, стеклянные, безчувственные глаза.

Любовь Аркадиевна:

- Там, где нас нет.

Больничная тишина и тишина космических бездн похожи, но не сопоставимы.

Больничная тишина то же превращает любой и каждый самый тихий шорох в рождение новой вселенной.

Любовь Аркадиевна сжимает кулаки в карманах халата.

Медсестра закрывает папку с историями болезней.

Рождение вселенной предполагает изначальную пустоту.

Любовь Аркадиевна и Медсестра выходят из палаты.

Больничная тишина остаётся тёплой, ватной, наполненной пылью, запахами, мыслями.

Космическая бездна отзывается планетами, огромными звёздами, новыми бездонными, безвоздушными просторами свободными от теней и тепла.

Дарико короткими рывками поворачивает карие зрачки к окну.

Дарико смотрит на Солнце сквозь заляпанное мелкими, серыми пятнами оконное стекло.

Времени не существует.

Существуют живые солнечные блики на оболочках упругих, люто холодных сфер.

Солнечные блики собираются внутри сфер в Солнца и светят внутри сфер, рожают жизнь, видят только свет.

Освещают не освещая, но всем светло, всем радостно, всем хочется праздника.

Все двигаются короткими рывками от сферы к сфере, сквозь лютый холод, теряя части тел, восстанавливая светлые силы в изначальной пустоте.

Солнце, - это праздник.

Солнце всегда праздник. Все праздники устраиваются в солнечные дни.

Весна, - солнечный праздник.

Весной все рады Первомаю.

Синее весеннее небо, выстуженное затянувшимися черёмуховыми холодами, небо прижимало поднимавшееся Солнце к выцветшим и, потому, незаметным среди деревьев, городским крышам.

Лёгкий восточный ветер, вылетающий из-под низкого Солнца, проталкивал над столицей остатки туч обратно к Гольфстриму.

Ветру всё равно, где летать. Особенно, если ветер опора воздушному змею.

Город, всё же, ветру нравится больше. Ветер в нём разгоняется вдоль улиц, собирает сквозняки, вылетает на площадь, подхватывает чёрную, плоскую полиэтиленовую тень большой птицы и рвёт её в небо. Иногда, ветер прячется за углом дома, ждёт, копит силы.

Память об урагане тысяча девятьсот девяносто седьмого года, прошедшем в стороне и задевшем наш город краем упругого оперения, до сих пор живёт в распиленных осокорях, сваленных в кучу за платформой железнодорожной станции.

Будущее светло и незаметно среди настоящего.

Будущее не отличимо от солнечного света и тёплого, лёгкого весеннего ветра.

Народ в предпраздничные дни с утра валом валил на ВДНХ.

Узкий тротуар от метро «ВДНХ», вдоль Поперечного проезда, заставлен столиками продавцов сувениров и трудно протиснуться сквозь плотный поток отдыхающих.

Народ не умещается на тротуаре перед витринами магазинов и, неспеша, прогуливается по проезжей части, нехотя уступая дорогу автобусам и автомобилям.

Солнце заливает город белым светом, не отличимым от будущего.

Солнце заглядывает всем в глаза.

Кони мотают головами, весело ржут, поднимают головы к Солнцу.

Четыре коня стоят на бульваре, на Поперечном проезде.

Четыре девчёнки сидят в сёдлах, осматривают с высоты прогуливающихся горожан.

Солнце в глазах девчёнок.

Рабочие стоят в кузове специального автомобиля, устанавливают на столб государственные флаги.

Двое рабочих стоят на подъёмной площадке специального автомобиля, привязывают к тому же столбу транспарант: «Да здравствует праздник весны и труда!»

Тень от палаток укрывает до времени сувениры от Солнца.

Ветер шевелит государственными флагами, развешенными на столбах.

Государственные флаги в витринах некоторых палаток.

Продавцы сувениров сидят за столиками лицом к палаткам, на краю тени палаток.

Перед магазином аудиозаписей и видеофильмов столик продавца воздушных змеев.

Продавец воздушных змеев подтягивает змея за капроновую нить к земле, держит воздушного змея в воздухе, не даёт упасть.

Ветер выскакивает из засады, выбивает катушку из рук продавца воздушных змеев. И воздушный змей ложится на клубок воздуха, осторожно, по ниточке, рывками и мелкими разворотами поднимается вверх.

Воздушный змей, абсолютно зависимый объект, абсолютно лишённый собственной воли, находил в себе силы радоваться своей судьбе.

Ветер, внимательно следивший за продавцом воздушных змеев, дождался своей минуты и, когда продавец воздушных змеев отвлёкся от контроля за воздушным змеем, бросил своё невидимое тело вперёд, сшиб полиэтиленовую фигуру с натянутой нити, бросил на провода, натянутые между фонарями.

Воздушный змей из чёрного полиэтилена вздрагивал, вцепившись в провода над столиком, заваленном упаковками с воздушными змеями.

Продавец воздушных змеев подёргал за капроновую нить.

Чёрная, полиэтиленовая тень обняла провода, держалась крепко.

Продавец воздушных змеев обернулся к продавцу сувениров.

Продавец воздушных змеев:

- Саша, будь другом, присмотри минуту. Я к Герберту, за лестницей.

Продавец сувениров поднял глаза от книги:

- Давай.

Продавец воздушных змеев привязал капроновую нить к ножке столика, прошёл в магазин аудиозаписей и видеофильмов.

Весна. Мир. Труд. Май.

Народ плотным потоком шёл по тротуару, глазел на сувениры.

Кто-то останавливался у столика, рассматривал яркую, разноцветную ерунду.

Кто-то поднимал лицо к чёрной, блестящей, полиэтиленовой тени воздушного змея, запутавшемуся в проводах.

Народ не замечал своего лёгкого, весеннего дыхания.

Продавец воздушных змеев вышел из магазина аудиозаписей и видеофильмов, в руках раскладная лестница и швабра.

Продавец воздушных змеев прислонил раскладную лестницу к столбу.

Продавец воздушных змеев:

- Спасибо, Саша. Слушай, пригляди ещё?

Продавец сувениров:

- Давай, лезь.

Продавец воздушных змеев, в одной руке швабра, другой рукой держится за лестницу, поднимается по лестнице к запутавшемуся воздушному змею.

Народ собрался вокруг столика продавца воздушных змеев и продавца сувениров, наблюдал за продавцом воздушных змеев.

Двое молодых людей наблюдали за продавцом воздушных змеев сквозь витрину магазина аудиозаписей и видеофильмов.

Продавец воздушных змеев поднялся на последнюю ступень раскладной лестницы, тыкал шваброй в лёгкое, полиэтиленовое, нематериальное тело воздушного змея.

Двое молодых людей повернулись от витрины, прошли внутрь магазина.

Прилавок в магазине начинается справа от входа, продолжается буквой «П» вдоль стеклянной стены, заставленной стеллажом, на котором стоят коробки с дисками и видеофильмами, тянется вдоль стены, напротив входа в магазин, продолжается до входной двери.

Касса стоит в правом углу прилавка.

Герберт и Алекс громко смеются.

Герберт одет в джинсы, в толстый вязаный свитер, цветастый шарф накинут на плечи, на голове Герберта коричневая, вельветовая пижонская кепочка.

Алекс лыс, одет в джинсы, в коричневую водолазку с люрексом.

Алекс не толст, но у него далеко выпирающий вперёд круглый живот.

Герберт сквозь смех:

- Прошёл, тест, прошёл!

Лицом к Герберту и Алексу, в расстёгнутом пиджаке, в боксёрской стойке, в руках, у груди держит зажигалку и не зажжённую сигарету, стоит Валерик.

Валерик оборачивается к Дарику, указательным пальцем притрагивается к золотой оправе очков.

Валерик одет в коричневые туфли, в костюм кирпичного цвета, в белую рубашку, без галстука, с воротом, расстёгнутым до впалой груди. На лице Валерика перед голубыми глазами очки с прямоугольными стёклами в золотой оправе.

За кассой, в синем халате, чёрные волосы собраны на затылке в пучок, сидит Дарико, играет с телефоном.

Марик мелкими шагами бегаёт, как в клетке, по магазину, таращит свои круглые коровьи, карие глаза, улыбался мягким ртом.

Марик одет в джинсы, кроссовки, толстовку с капюшоном и толстую майку.

Звонит телефон Дарико.

Марик и Валерик подходят к прилавку, о чём-то разговаривают с Гербертом и Алексом.

Алекс, сложив руки на груди, подхахатывает.

Дарико:

- Аллё.

Голос Ясногорова:

- Здравствуйте, Дарико. Меня зовут Василий Ясногоров. Мы с Вами познакомились зимой на вашем концерте.

Дарико вздыхает, выпрямляет спину:

- Да, здравствуйте. Я Вас помню.

Голос Ясногорова:

- Мы запускаем новый проект. Подходите сегодня к семи часам... Вам куда удобнее подойти?

Дарико растерянно:

- К Тургеневской.

Голос Ясногорова:

- Подходите сегодня к семи часам на Тургеневскую, выход к бульвару.

Дарико неуверенно:

- Я приду.

Голос Ясногорова:

- Я Вас жду на площадке перед входом. До встречи, Дарико.

Дарико уверенно:

- Я обязательно приду, до свидания Василий.

Дарико прижимает телефон к щеке, смотрит по сторонам, смотрит в дисплей телефона, выключает телефон, держит телефон в руке, притрагивается телефоном к волосам.

Дарико поворачивается всем телом к Герберту и Алексу.

Валерик тычет пальцем в грудь Марику.

Валерик:

- Ты мне этого урода привёл!

Дарико твёрдым, уверенным голосом:

- Герберт!

Герберт встает на цыпочки, взглядывает поверх голов на Дарико.

Дарико:

- Отпусти меня сегодня в шесть! Пожалуйста.

Валерик:

- Ты мне его рекомендовал! Ты уговорил меня дать ему денег! Где мои деньги!

Герберт:

- Много не пей.

Марик бьёт Валерика по руке, тычет пальцем в грудь Валерика:

- Валерик, ты не умеешь ждать!

Дарико радостно:

- Спасибо, Герберт!

Марик:

- Я тоже вложил в его идею! Но я не спешу и не ору на своих друзей!

Герберт:

- Поцелую тебя завтра.

Валерик бьёт Марика по руке.

Валерик:

- Потому, что ты толстый лох!

Марик хочет что-то сказать, но сдерживается и проходит к двери.

Дарико радостно:

- В обе щеки!

Марик встаёт у дверей, прислонившись к прилавку, складывает руки на груди, смотрит в пол.

Валерик, закуривая на ходу, проходит к двери, приоткрывает дверь.

Колокольчик над входной дверью жизнерадостно гроыхает.

Валерик выдыхает дым на улицу, в лицо человеку, протянувшему руку к двери.

Официум в чёрном, одетый в чёрную кожаную куртку, в чёрные кожаные джинсы, в чёрные зимние ботинки, в чёрную шляпу, надвинутую на глаза, чёрные, длинные, прямые, невымытые волосы торчат из-под шляпы, Официум в чёрном тянет дверь за ручку.

Колокольчик над дверью осторожно бренькает.

Официум в чёрном входит в магазин, сразу поворачивается спиной к кассе, утыкается в витрину полями шляпы.

Дарико вздрагивает, испуг мелькает в её глазах.

Дарико берёт себя в руки.

Герберт и Алекс переглядываются, одновременно взглянув на Дарико.

Дарико вцепилась в углы кассы с такой силой, что побелели пальцы.

Дарико сжимает зубы так, что вздуваются желваки и губы белеют.

Герберт подходит к Официуму в чёрном.

Герберт:

- Чем помочь?

Официум в чёрном, не поднимая головы, отвечает хриплым, холодным голосом, тоном старательного ученика.

Официум в чёрном:

- Блюз. Я ищу настоящий инструментальный блюз. Обязательно акустика, обязательно без вокала и обязательно на кассете.

Герберт артистично выхватывает из-под стеклянного прилавка две кассеты, ставит на прилавок перед Официумом в чёрном.

Герберт:

- Вот, акустическая оркестровка попсовых, роковых и классических вещей.

Официум в чёрном опрокидывает указательным пальцем одну кассету.

Кассета бьёт о стекло.

Официум в чёрном, не поднимая головы:

- Я ищу блюз.

Герберт:

- Там есть и блюзовые вещи. Несколько.

Официум в чёрном:

- Спасибо, но я ищу настоящий «чёрный блюз».

В этот момент в затихшем магазине Валерик, разговаривающий у входной двери с Мариком, произносит громко и внятно.

Валерик:

- За это ты мне заплатишь. Обязательно заплатишь. Сполна.

Валерик пальцами с зажатой сигаретой тычет Марика в грудь.

Валерик, притронувшись к оправе очков пальцами, между которыми зажата сигарета, смотрит на Дарико.

Официум в чёрном поднимает лицо, взглядывает на Герберта, отшатывается.

Официум в чёрном:

- Спасибо. Извините, пожалуйста.

Официум в чёрном проходит к двери.

Перед дверью, за спиной Валерика, Официум в чёрном останавливается и железным, холодным тоном, глухим, нутряным, хрипловатым голосом произносит:

- Разрешите пройти.

Валерик оглядывается через плечо и, пригибаясь, словно от ударов в живот, проходит в магазин.

Марик, прижавшись к прилавку, несколько раз моргает, держит руки по швам.

Колокольчик над входной дверью лепечет что-то извиняющееся.

Дарико смотрит яростно сверкающими глазами вслед Официуму в чёрном.

Герберт:

- Дарико!

Дарико поворачивается к Герберту.

Герберт:

- Ты его знаешь?

Дарико:

- Нет. Гадкий какой.

Алекс:

- Тот ещё тип.

Герберт:

- Марик, знаешь кто это?

Марик взглядывает на Герберта, краснеет.

Марик:

- Дилер. Держит входы в метро, переходы и ещё что-то.

Валерик быстрым, твёрдым шагом подходит вплотную к Марику.

Валерик:

- Та-ак. А я-то думаю, что ты, как угорь на сковороде.

Марик отталкивает Валерика.

Валерик бьёт Марика по рукам.

Герберт:

- Только не в магазине! Выматывайтесь из магазина и херайте друг друга!

Валерик хватается Марика за шиворот, толкает к двери.

Марик старается оторвать руку Валерика от воротника толстовки.

Валерик дёргает ручку двери.

Колокольчик над дверью сильно, жёстко звякает.

Валерик выталкивает Марика из магазина, выходит вслед за Марином.

Звонит телефон Дарико.

Дарико:

- Аллё.

Голос Банникова:

- Привет, Дарико, когда заканчиваешь?

Дарико:

- Привет, Банников. В шесть.

Голос Банникова:

- Дарико, мы сегодня перед шестьдесят девятым павильоном с шести до восьми в показательных выступлениях. Приходи.

Дарико:

- Твоя аптекарша тоже придёт?

Голос Банникова:

- Дарико, не ревнуй. Ты же знаешь, я тебя люблю.

Дарико:

- Тебя об этом Давид попросил?

Голос Банникова помолчал.

Голос Банникова:

- Не задирайся.

Дарико:

- Я сегодня не могу, Банников. У меня деловая встреча.

Голос Банникова:

- Ты опять к этому приклеилась?

Дарико:

- Нет. Звонил Ясногоров. Помнишь его?

Голос Банникова:

- Нет.

Дарико:

- Он набирает участников нового проекта.

Голос Банникова помолчал.

Голос Банникова:

- Тогда удачи. Пока.

Дарико:

- Пока, Банников.

Дарико выключает телефон, смотрит на дисплей.

Семнадцать сорок пять.

Герберт сидит в кресле за прилавком, читает.

Алекс сидит в кресле за прилавком, сложил руки на груди, смотрит сквозь витрину на улицу.

Продавец воздушных змеев сидит за своим столиком, рассматривает прохожих.

Тень от палаток отодвинулась ближе к стенам палаток, открыла Солнцу продавцов сувениров.

Солнечными бликами сверкает чёрная полиэтиленовая тень воздушного змея, запутавшегося в проводах.

Раскладная лестница и швабра стоят у столба.

Государственные флаги полощутся над головами продавцов сувениров.

Народ плотным потоком движется по узкому тротуару вдоль киосков и столиков продавцов сувениров.

Народ захватывал проезжую часть Поперечного проезда.

Автобус осторожно подобрался к остановке.

Солнце отражалось в лобовом стекле автобуса белой, яркой планетой.

Валерик бросил окуроч на решётку водостока, прошёл несколько шагов вперёд, к подъезжающему автобусу.

Вдруг кто-то хватается Валерика за воротник пиджака и толкает под автобус.

Валерик взмахивает руками:

- Ах, ё!

Но Валерик не падает, кто-то тянет Валерика обратно.

Валерик оборачивается.

Марик стоит за спиной Валерика.

Марик не улыбается.

Круглые, коровьи глаза Марика смотрят пристально и неприветливо.

Валерик:

- Ах, ты сука!

Валерик бьёт Марика кулаком в лицо.

Марик отшатывается и бежит ко входу в метро ВДНХ, лавирует между людьми.

Валерик пробегает несколько метров за Мариком, останавливается, плюёт и, неспеша, возвращается на остановку.

Официум в чёрном стоит чёрной полиэтиленовой тенью, запутавшейся в ветвях деревьев, наблюдает за Валериком и Мариком с противоположной стороны Поперечного проезда.

Две девчёнки ведут двоих коней за уздечку.

Мальчишка в седле первого коня, дама в седле второго коня. Мужчина идёт рядом с дамой, держит даму за руку, время от времени оборачивается к мальчишке.

Золотая скульптурная композиция на вершине главных ворот ВДНХ сверкает золотыми бликами над вершинами деревьев.

Ветер расправляет государственные флаги, бросает расправленные полотнища в солнечный свет.

Государственные флаги отражаются в витринах киосков.

Народ, проходящий по тротуару вдоль ларьков, отражается в витринах.

Дарико выходит из дверей магазина аудиозаписей и видеофильмов в восемнадцать ноль пять.

Дарико в распахнутой куртке, в зимнем, скромном платье, на ногах Дарико ботильоны, сумочка в опущенной руке, распушенные, красивые, длинные, ниже плеч, чёрные волосы подлетают от порывов ветра.

Дарико останавливается перед дверьми магазина, поднимает голову.

Воздушный змей из чёрного полиэтилена висит, запутавшись в проводах, солнечные блики вспыхивают белыми искрами на складках чёрного полиэтилена.

Длинный разноцветный хвост воздушного змея колышется в порывах ветра.

Дарико идёт к метро мимо магазинов, смотрит на своё отражение в стёклах витрин.

Народ проходит мимо витрин, смотрит на отражения Дарико.

Отражение Дарико в витринах магазинов улыбалось Дарико, встречным прохожим.

Встречные прохожие смотрели весёлыми, живыми глазами на отражение Дарико, улыбались в ответ.

Весна. Светло-синее небо и Солнце.

Монумент «Покорителям Космоса» сверкал в солнечных лучах.

Парашютисты кружили в небе над монументом.

Мир. Труд. Май.

Ветер шевелил пряди волос, ветер забирался под распахнутую куртку Дарико.

Ветер холодил уши, гул голосов и шарканье ног, работающих двигателей автомобилей, крики ворон и воробьёв радостны и живы, старались звучать приятной шуршащей мелодией.

Тени прохожих и тень Дарико сливались в одну безформенную тень.

Официум в чёрном следует вдоль бульвара чёрной полиэтиленовой тенью, запутавшейся в ветвях деревьев, наблюдает за Дарико с противоположной стороны Поперечного проезда.

Отражение Солнца мелькнуло яркой вспышкой в стекле открывающейся стеклянной двери.

Отражения Дарико, Василия Ясногорова мелькнули в стеклянной двери ресторана.

Дарико в распахнутой куртке, чёрные волосы растрепались вокруг порозовевшего лица.

Василий Ясногоров в чёрном костюме, в белой рубашке, в чёрном галстуке, в брюках чёрный глянцевый ремень, на ногах в чёрные глянцевые полуботинки.

Метрдотель протягивает руки к Дарико и Василию:

- Здравствуйте! Здравствуйте! Благодарю столь почтенных персон за внимание к нашему ресторану. Извините, но гардероб не работает. Гардеробщик запил. И никто из персонала не хочет стоять в гардеробе! Все интеллектуалы.

Метрдотель слегка кланяется, распахивает руку в глубь ресторана:

- Для Вас самый лучший стол. Вы предпочитаете солнечную сторону или уют?

Дарико:

- Солнечную.

Метрдотель:

- Прошу Вас, вот туда, чуть правее столба. Официант! Меню к пятому столу!

Дарико на ходу снимает куртку.

Дарико и Василий оглядываются.

Ресторан пуст.

Круглые столы укрыты белыми скатертями. Стулья накрыты белыми чехлами. Золочёные резные ножки торчат из-под белых чехлов.

Две огромные золочёные люстры под белым потолком.

Золочёные бра на стенах над столиками.

Стены в белых обоях с золотыми виноградными лозами.

За дальним столом сидят четверо пацанов в чёрных куртках и буддийский монах, мальчишка в оранжевой тоге.

Метрдотель, повернувшись боком, проводит Дарико и Валерия к свободному столу.

Метрдотель выдвигает стул.

Метрдотель:

- Будьте добры.

Дарико:

- Благодарю.

Метрдотель неспеша возвращается ко входу в ресторан.

Дарико вешает свою куртку на спинку стула, садится, ставит сумочку на колени.

Василий снимает пиджак, вешает на спинку своего стула, садится, откидывается на спинку стула, кладёт кулаки на стол перед собой.

Официант подходит к столу Дарико и Валерия, кладёт на стол меню.

Пацаны дружно ударяют стаканами по столу.

На столе пацанов стоят две полные бутылки с водкой, одна пустая бутылка, салатница с кислой капустой, салатница с помидорками и тарелка с кусками чёрного хлеба.

Мальчишка в буддийской тоге сидит, опустив голову, сложив по-буддийски руки на груди, бубнит мантры.

Первый пацан:

- Наше всегда сверху.

Второй пацан:

- Дядя Миша! Прикажи, пожалуйста, вашему оркестру! Пусть споют!

Метрдотель:

- Кому дядя Миша, а кому господин распорядитель. Концертная программа после двадцати часов.

Второй пацан:

- То же мне. Я же по-хорошему, по-человечески. Прикажите, пусть, хоть, радио «Шансон» включат.

Метрдотель:

- Счётчик тебе включают.

Первый пацан:

- Мы на свои гуляем! Зелёными расплачиваемся!

Метрдотель:

- Участковому своему в уши дуй.

Третий пацан открывает вторую бутылку.

Первый пацан:

- А ты чего не пьёшь? Будду не любишь?

Третий пацан наливает водки в стакан, стоящий перед Мальчишкой в буддийской тоге.

Второй пацан подходит к Мальчишке в буддийской тоге, опрокидывает ему голову, зажимает ему нос.

Мальчишка в буддийской тоге не открывает глаз.

Мальчишка в буддийской тоге открывает рот, вдыхает.

Первый пацан:

- Давай, братан. За Будду.

Третий пацан выливает водку из стакана в рот Мальчишки в буддийской тоге.

Мальчишка в буддийской тоге проглатывает водку.

Второй пацан отпускает голову Мальчишки в буддийской тоге.

Мальчишка в оранжевой тоге проглатывает водку опускает лицо, кашляет, задыхаясь, бубнит мантры.

Второй пацан садится на свой стул.

Первый пацан разливает водку в стаканы, стоящие перед пацанами.

Пацаны чокаются и, без тостов, выпивают водку.

Открывается дверь ресторана.

Бритоголовый мужчина в спортивной куртке, в трениках, в белых кроссовках и дама с обесцвеченными волосами, волосы уложены в красивую причёску, в розовом демисезонном пальто, в розовых демисезонных сапогах входят в ресторан.

Метрдотель распахивает объятия:

- Пётр Александрович! Родной Вы наш! Сколько же радости Вы нам приносите! Ваш столик мы бережём только для Вас. Вам как обычно? Сергеич запил. Сегодня без гардероба.

Пётр Александрович указывает даме в дальний угол ресторана.

Пётр Александрович протягивает метрдотелю руку для рукопожатия, держит между пальцами сложенную купюру.

Метрдотель хватает руку Петра Александровича:

- Душа Вы наша, Пётр Александрович! Официант! Петру Александровичу его набор! Бегом!

Мальчишка в буддийской тоге, не переставая бубнить мантры, поднимает голову, открывает ясные, голубые глаза.

Пацаны радостно орут:

- О! Ё! Бля! Ес!

Первый пацан хлопает Мальчишку в буддийской тоге по плечу.

Первый пацан:

- Молодец, братан.

Второй пацан:

- Братан, скажи перерекагносцировка!

Первый пацан:

- Сам понял, что сказал!?

Мальчишка в буддийской тоге смотрит на Дарико.

Первый пацан разливает водку по стаканам.

Первый братан:

- Давай, братан. За Раму.

Официант приносит поднос. На подносе стоят: вазочка с мороженым, тарелка с жареным мясом и две чашечки с кофе.

Официант подходит к столику Дарико и Валерия, ставит перед Дарико чашечку кофе и вазочку с мороженым, перед Василием тарелку с мясом, чашечку кофе.

Валерий:

- О гонорах речи пока не идёт. Вам придётся найти работу на полгода - год. Если получится, возьмём Вас в команду.

Мальчишка в буддийской тоге неожиданно легко, не двигая стул, быстро встает, вскакивает на стул, пробегает по столу, прыгивает со стола, подбегает к Дарико, с разбега падает на колени перед Дарико.

Мальчишка в буддийской тоге хватается за руку Дарико.

Мальчишка в буддийской тоге целует Дарико руку, громко, ясно повторяет:

- Уходите отсюда! Уходите, прошу Вас! Уходите отсюда!

Пацаны сидят с вытянувшимися лицами, с открытыми ртами, переглядываются.

Василий привстает на своём стуле, наблюдает за Мальчишкой в буддийской тоге.

Дарико:

- Мы там, где нас нет. То, что ты видишь, твоё желание. Я, - твой сон.

Мальчишка в буддийской тоге смотрит в лицо Дарико огромными синими глазами.

Мальчишка в буддийской тоге прижимает к своим губам ладонь Дарико.

Мальчишка в буддийской тоге склоняет свою голову перед Дарико, кладёт её ладонь на свою голову, складывает по-буддистски руки перед грудью, закрывает глаза, бубнит мантры.

Дарико старается приподнять ладонь над колючей стриженной головой.

Пацаны гремят стульями, встают, вытягивают шеи, стараясь рассмотреть, что делает Мальчишка в буддийской тоге.

Первый пацан:

- Во, даёт...

Второй пацан:

- Торкнуло братана.

Официант наклоняется к Мальчишке в буддийской тоге, трясёт его за плечо.

Официант:

- Товарищ... Товарищ...

Мальчишка в буддийской тоге не реагирует, бубнит мантры.

Официант выпрямляется, машет рукой:

- Толя! Толя!

Пацаны подходят к столику, окружают Мальчишку в буддийской тоге и официанта.

Охранник подходит к столику.

Охранник смотрит на официанта.

Охранник:

- Чё звал?

Официант кивает в сторону Мальчишки в буддийской тоге.

Охранник плечом вперёд протискивается между пацанами.

Охранник напевает, протискиваясь:

- И с нами Ворошилов, первый красный офицер ...

Охранник наклоняется к Мальчишке в буддийской тоге, легко поднимает его за подмышки.

Охранник:

- Пошли, проветришься.

Дарико убирает свою ладонь с головы Мальчишки в буддийской тоге.

Мальчишка в буддийской тоге, не открывая глаз, не размыкая рук, не поднимая головы, бубнит мантры, послушно идёт к выходу из ресторана.

Первый пацан осматривает Василия и Дарико.

Первый пацан:

- Он с вами, чёль?

Василий, сложив руки на груди, рассматривает пацанов.

Василий:

- Нет. Он с вами.

Второй официант подходит к пацанам, протягивал им счёт.

Второй официант:

- Господа! Ваш счёт!

Первый пацан:

- Давай, братан, счёт этого лоха.

Первый пацан берёт у второго официанта счёт, отодвигает стул, придвигается к Василию, присаживается за стол Дарико и Василия.

Первый пацан:

- Не разочаровывай нашего брата.

Первый пацан подносит счёт к лицу Василия.

Василий, сложив руки на груди, смотрит вверх счёта на первого пацана, спокойным голосом, с полуулыбкой.

Василий:

- Ты под кем?

Первый пацан:

- Покукарекай ещё.

Первый пацан подносит счёт к кончику носа Василия.

Василий:

- Я сейчас позвоню Измиру, скажу, что ты его звал к телефону.

Василий достаёт телефон из кармана пиджака, висящего на спинке стула.

Первый пацан:

- За понты накинешь пятьдесят процентов.

Василий достаёт телефон, говорит, смотрит на дисплей телефона:

- Ну, будешь с Измиром разговаривать?

Первый пацан недоверчиво смотрит, медленно опускает руку со счётом, наблюдает за пальцем Василия, нажимавшим кнопки на телефоне.

Первый пацан медленно отворачивался от Василия, косится на телефон Василия.

Василий подносит телефон к уху.

Первый пацан равнодушно:

- Мы вас не знаем.

Первый пацан встаёт, идёт к своему столику.

Пацаны уходят к своему столику, рассаживаются по местам.

Пацаны рассаживаются за своим столиком.

Второй пацан спотыкается о сумку с книгами, которая стоит под столом.

Второй пацан наклоняется к сумке, поднимает сумку, отбрасывает под соседний столик.

Василий.

- Здравствуйте, уважаемый Измир.

- ...

Василий:

- Воистину, уважаемый Измир. Я рассказал о Вас и наших друзьях очень хорошей певице, и она просила познакомить её с Вами.

- ...

Василий:

- Да, она рядом.

- ...

Василий прикрывает телефон ладонью:

- Ты знаешь грузинский?

Дарико кивает.

Василий протягивает телефон Дарико.

Дарико берёт телефон, говорит по-грузински.

Дарико:

- Здравствуйте, уважаемый Измир.

- ...

Дарико, говорит по-грузински:

- Спасибо, он не выходит за рамки.

-

Дарико:

- До свидания.

Дарико возвращает телефон Василию.

Василий убирает телефон в карман пиджака.

Василий:

- Что он сказал?

Дарико:

- Он извинился. Сказал, что Вы умный и исполнительный человек, но не сдержанный и, иногда, торопитесь.

Второй официант подходит к столику, под которым лежит сумка с книгами, наклоняется, вытаскивает сумку из-под стола, ставит на стол, раскрывает, достаёт из сумки толстый красивый том рассказов об индуизме.

Второй официант обращается к пацанам:

- Господа, это ваша сумка?

Первый пацан:

- Не. Блаженного.

Второй официант молчит, смотрит на пацанов.

Первый пацан:

- Ну, чё смотришь, забирай себе.

Второй официант кладёт книгу в сумку, уносит сумку с книгами мимо дальнего, углового столика, за которым, не сняв чёрной шляпы, сидит Официум в чёрном.

Василий отпивает кофе.

Дарико:

- Василий, мне неудобно. Пойдёмте на улицу.

Отражения Дарико и Василия Ясногорова уменьшаются внутри границ стеклянной ресторанной двери, растворяются в отражении вечернего неба, асфальта, кирпичных домов, стоящих на противоположной стороне улицы.

Плотной, плоской чёрной полиэтиленовой плёнкой, потерявшей свой глянец, изнутри ресторана наплывает на стеклянную ресторанную дверь тень Официума в чёрном.

Тень Официума в чёрном отделяет от ресторанного оранжевого света мир, живший снаружи стеклянной ресторанной двери.

Официум в чёрном наблюдает за Дарико и Василием Ясногоровым сквозь стекло ресторанной двери.

Под верхней кромкой двери, над чёрной шляпой, вокруг чёрной шляпы Официума в чёрном осталась узкая полоса вечернего неба. Отражение вечернего неба сливалось с ресторанным оранжевым светом.

Космос не тёмн.

Межпланетное пространство, наполненное разнообразными излучениями, которые резонируют друг с другом синфазными волнами, светло-салатового или голубоватого цвета. Чтобы проверить эту гипотезу необходимо выйти за границу Солнечной системы, за границы облака Оорта. Или закрыть глаза в тёмной комнате, подождать, пока под веками начнут складываться красноватые узоры и открыть глаза. Темнота будет светло-салатовой.

Дарико открыла глаза, когда лифт остановился. Опыт не чист. Электричество в лифте не выключается.

Дарико решила, что постоит с закрытыми глазами на балконе после ужина.

Ясногоров, конечно, дул в уши, но что-то есть в его предположении.

Дарико прислушивалась к себе, к светлой, радостной лёгкости, оставшейся после встречи с Ясногоровым. Лёгкость была белой. Дарико это знала точно. Но цвет пространства внутри своего организма между мышцами или между органами, Дарико не представляла. Космос холодный, леденящий, бесконечный. Организм тёплый и ограничен.

Лифт остановился, подождал несколько секунд.

Двери лифта заскрипели, старательно раскрылись.

Дарико, глаза сияют, щёки розовые, куртка распахнута, красиво растрёпанные волосы лежат на плечах, Дарико вышла из лифта.

Батильоны громяют каблуками по кафельному полу.

Звук ударов каблуков по кафельным плиткам носится от одной исцарапанной стены к другой исцарапанной стене.

Эхо носилось по лифтовой площадке, не выбирая препятствие и отражалось в тёмном стекле подъездного окна.

Желтоватый свет мерцающей люминесцентные лампы, лишённые пластмассовых плафонов, отражался от тёмного стекла.

Желтоватое пятно люминесцентной лампы дрожало на неровной поверхности дверного матового стекла.

Дарико подошла к двери на квартирную площадку, открывает сумочку, копается в сумочке.

Шуршание окружило Дарико лёгким эхом.

Тень Дарико закрыла мутное отражение люминесцентной лампы.

Официум в чёрном осторожно выглядывает из дверного проёма на лестницу, напротив мусоропровода.

Официум в чёрном неслышно выходит на лифтовую площадку, руки в карманах куртки.

Официум в чёрном:

- Здравствуй, Дарико.

Дарико вздрагивает, оборачивается.

Официум в чёрном секунду наслаждается испугом Дарико, неспеша подходит к Дарико.

Дарико нервно копается в сумочке.

Официум в чёрном подходит к Дарико.

Дарико держит сумочку, словно птица добычу.

Дарико смотрит из-подлюбя.

Дарико сжимает зубы.

Дарико приподнимает сумочку и сильно бьёт ногой в пах Официума в чёрном.

Дарико:

- На!

Звонкое эхо голоса Дарико стрелами носится по лифтовой площадке.

Официум в чёрном вскрикивает, сгибается.

Официум в чёрном глухим, хрипловатым, холодным, злым, нутряным голосом:

- Ах, с-с-у-у-к-а-а!

Официум чёрном стоит, согнувшись, перед Дарико, вытаскивает руки из карманов куртки.

Дарико бьёт Официума в чёрном ногой в живот.

Дарико:

- Иди от меня!

Звонкое эхо голоса Дарико стрелами носится по лифтовой площадке.

Официум в чёрном кашляет, наклоняет голову к правому плечу, пятится, упирается в стену, напротив лифта.

Дарико опускает глаза к сумочке, роется в сумочке.

Официум в чёрном, вдруг, резко бросается вперёд, бьёт Дарико головой в живот.

Дарико падает в угол, на стыке стены и дверной коробки.

Дарико рукой бьёт по матовому дверному стеклу.

Стекло громыкает.

Чёрные волосы Дарико ореолом вокруг головы, прядями на лице.

Шляпа Официума в чёрном надвигается на голову Официума в чёрном, уши торчат, висят чёрные, невытые прямые волосы, злые глаза под полями шляпы.

Официум в чёрном кричит злым, хрипловатым, холодным, нутряным голосом:

- Сладкой жизни захотела!

Эхо голоса Официума в чёрном царапает зубами и когтями исцарапанные стены.

Дарико опирается на левый локоть, переворачивается, чтобы подняться на ноги.

Ботильоны царапают каблуками кафель на полу.

Официум в чёрном садится верхом на Дарико, несколько раз бьёт Дарико кулаками в лицо.

Дарико взвизгивает и обмякает.

Официум в чёрном сидит верхом на лежащей Дарико, расстёгивает молнию на своей куртке.

Официум в чёрном произносит злым, хрипловатым, холодным, нутряным голосом:

- С меня квартиру поимела!

Эхо голоса Официума в чёрном царапает зубами и когтями исцарапанные стены.

Официум в чёрном выхватывает из внутреннего кармана куртки небольшую коробку.

Официум в чёрном кричит злым, хрипловатым, срывающимся голосом:

- Встречаешься с Ясногорским!

Дарико бьёт кулаками по ногам Официума в чёрном, извивается, бьёт коленями по спине Официума в чёрном.

Официум в чёрном роняет коробку на грудь Дарико.

Официум в чёрном бьёт кулаками в лицо Дарико.

Дарико вскрикивает, закрывается руками.

Лифт поднимается внутри лифтовой шахты.

Народ, поднимающийся в лифте, о чём-то шутит, громко смеётся.

Официум в чёрном открывает коробку, достаёт из коробки шприц с безцветной жидкостью.

Официума в чёрном бьёт крупной дрожью.

Официум в чёрном визжит:

- Звездой захотела стать!

Дарико бьёт Официума в чёрном в спину коленями.

Официум в чёрном выпускает из руки коробку со шприцем.

Коробка падает в угол, к голове Дарико.

Официум упирается рукой в правую грудь Дарико, ударяется головой в дверь.

Дарико рычит, извивается, лупит кулаками по голове Официума в чёрном.

Чёрная шляпа слетает с чёрный, прямых, длинных, немытых волос, падает на грудь Дарико.

Официум в чёрном левой рукой, изо всей силы, бьёт Дарико в лицо.

Дарико всхлипывает, закрывается руками, затихает.

Официум в чёрном визжит:

- На!

Эхо голоса Официума в чёрном царапает зубами и когтями исцарапанные стены.

Официум в чёрном втыкает шприц в левую грудь Дарико.

Официум в чёрном визжит, впрыскивал содержимое шприца в левую грудь Дарико:

- На тебе! На тебе!

Дарико бьёт левой ладонью Официума в чёрном по уху.

Официум в чёрном поднимает правую руку, защищаясь.

Дарико выдергивает из своей груди шприц, бьёт шприцем, как ножом, Официума в чёрном по руке.

Игла сгибается, не пробив рукав кожаной куртки.

Официум в чёрном хватает руку Дарико, прижимает коленом к кафельному полу.

Официум в чёрном мгновение смотрит на грудь Дарико, кладёт руки на груди Дарико, сжимает пальцы.

Официум в чёрном стонет сквозь слёзы, тонким, детским голосом.

Официум в чёрном:

- Что же со мной там сделали!

Эхо голоса Официума в чёрном царапает зубами и когтями исцарапанные стены.

Официума в чёрном бьёт крупная дрожь.

Официум в чёрном елозил по животу Дарико, мнёт руками груди Дарико.

Официум в чёрном закидывает голову вверх лицом, кричит детским голосом с отчаянием в голосе:

- А-а!

Официум в чёрном опускает голову, несколько секунд смотрит в лицо Дарико, в её спокойные глаза.

Официум в чёрном хватает коробку со вторым шприцем, прихватывает вместе с коробкой прядь волос.

Официум в чёрном, не обращая внимания на волосы Дарико, вынимает из коробки шприц, убирает пустую коробку в карман куртки, сжимает шприц в руке, как ножом, бьёт иглой по левой груди Дарико.

Официум в чёрном злым, хриплым, потеплевшим, нутряным голосом:

- Вот тебе! Вот тебе! Вот тебе! Вот тебе!

Официума в чёрном бьёт крупная дрожь.

Официум в чёрном задыхается, его лицо перекашивается.

Официум в чёрном впрыскивает содержимое шприца в грудь Дарико.

Официум в чёрном:

- Во-о-от те-е-бе-е-е!

Официум в чёрном отбрасывает шприц, кладёт руки на груди Дарико, смотрит в глаза Дарико.

Официум в чёрном сильно сжимает груди Дарико, говорит злым, хриплым, тёплым, нутряным голосом:

- Теперь я твоя реальность. Теперь я твоя радость. Телефон знаешь.

Официум в чёрном встаёт на ноги, поднимает свою чёрную шляпу, оббивает шляпу о руку, на ходу надевает шляпу, уходит в лестничную дверь.

Дарико лежит на кафельном полу, руки вдоль тела, стеклянными глазами смотрит в потолок, красивые, густые, чёрные волосы ореолом окружают её голову.

Лифт поднимается внутри лифтовой шахты.

Лицо Дарико разбито, разбитые губы в крови, скула распухла.

Дарико медленно поворачивается на бок, старается встать.

Дарико хватается пальцами за раскладку на двери, приподнимается с колен, дотягивается до дверной ручки.

Дарико стоит на трясущихся, подгибающихся ногах, упирается рукой в дверь.

Дарико падает лицом вперёд.

Дарико лежит лицом вниз на кафельном полу на лифтовой площадке.

Кровь Дарико собирается в лужу перед глазами Дарико.

Дарико старается встать, но сил хватает только на то, чтобы встать на четвереньки.

Кровь каплет с разбитых губ Дарико.

Дарико на четвереньках подползает к сумочке, сжимает сумочку в кулак, на четвереньках подползает к двери на межквартирную площадку.

Дарико упирается головой в дверь.

Звук лифта, остановившегося на этаже.

Открывается дверь лифта.

Сосед Дарико выходит из лифта.

Сосед Дарико замирает в дверях лифта.

Сосед Дарико осторожно выходит из лифта, на цыпочках обходит Дарико, наклоняется к Дарико.

Сосед Дарико:

- Дарико, что с тобой?

Дарико стоит на четвереньках, упирается головой в дверь.

Пунктир капель крови на полу под Дарико, небольшая лужа крови под лицом Дарико.

Дарико дрожит мелкой дрожью.

Дарико тихо стучается головой в дверь.

Сосед достаёт ключ, открывает дверь.

Дарико дрожит мелкой дрожью, старается выпрямить сгибающиеся руки.

Сосед Дарико поднимает Дарико.

Сосед тащит Дарико к двери её квартиры, прислоняет Дарико спиной к стене.

Сосед смотрит на лицо Дарико:

- Ё моё! Ты с кем так!?

Дарико качает головой, мычит, медленно сползает на пол.

Сосед Дарико пытается удержать Дарико на ногах.

Сосед усаживает Дарико на пол у двери её квартиры, тянет сумочку из руки Дарико.

Дарико ещё сильнее сжимает сумочку, прижимает сумочку к животу.

Сосед Дарико:

- Дарико, отпусти сумку, я достану ключи.

Дарико медленно поднимает голову, приоткрывает веки, несколько секунд смотрит на Соседа, разжимает пальцы.

Сосед открывает сумочку, находит ключи, открывает дверь квартиры Дарико, затаскивает Дарико в квартиру.

Сосед Дарико затаскивает Дарико в комнату, кладёт Дарико на кровать.

Дарико лежит на кровати, в распахнутой куртке, в тёмном зимнем платье, руки Дарико вдоль тела.

Волосы вокруг головы Дарико чёрным ореолом.

Дарико приоткрывает глаза, смотрит сквозь ресницы на Соседа Дарико, шевелит разбитыми губами.

Сосед Дарико наклоняется к Дарико.

Дарико еле слышно шепчет:

- Никому не звони.

Сосед Дарико:

- Тебя же избили до полусмерти.

Дарико еле слышно шепчет:

- Меня убьют.

Сосед Дарико:

- Если меня спросят, расскажу всё, как было.

Сосед Дарико помолчал.

Сосед Дарико:

- Я Давиду позвоню.

Дарико еле слышно шепчет:

- Спасибо.

Сосед Дарико выходит из комнаты.

Дарико закрывает глаза, еле слышно шепчет:

- Банников, почему ты на мне не женился...

Качки, - необычные люди.

Качки большую часть жизни проводят в спортивном зале, среди грохота тренажёров, падающих штанг, гирь и натужных хрипов молчаливых, сосредоточенных тренирующихся и сохраняют светлую радость и чистую душу.

Качки, - избранные, потому, что не каждый может прожить жизнь архитекторами и строителями собственного здания в стиле барокко, наращивают вокруг того, не знамо, чего, слой мяса, создавая вокруг скелета пропорциональные сочетания тела, для того чтобы светлым силам было за что схватиться в трудный момент земной жизни.

Качки не думают о том, надо ли наращивать вес тела. Качки выполняют порученную работу в сердечной заботе и в полном соответствии основному процессу.

Спортивные залы напоминают огромные мембраны, сквозь которые просеивают тела людей, оставляя на одной стороне слабость и болезни, на другой сердечную радость.

Способ совершенствования своего тела, который выбирают качки, понятен не каждому.

Мало кто понимает кайф пробуждения на следующее утро после тяжёлой тренировки.

Банников, например, не понимает кайфа алкогольного опьянения.

Банников, иногда, выпивает, чтобы поддержать компанию, но становится скучным, колючим и молчаливым.

Только люди устроены странно, и постоянно возвращают себе то, что осталось на тёмной стороне мембраны.

Недостаточность людского устройства заявляет о себе не громко, но настойчиво и болезненно.

Люди придумали много полезных и эффективных способов сохранить светлые и сердечные силы.

Люди придумали много способов избавиться от светлых и сердечных сил.

Качки всякий раз отсекают дурное и оставляют светлое.

Светлые силы не стесняются, опираются на накаченные тела и пребывают вокруг качков в полном качестве, создавая вокруг светлый ореол.

Банников жил в районе метро «Алексеевская», на улице Годовикова, в старом кирпичном, семиэтажном доме постройки сороковых годов прошлого века, на втором этаже в торцевой квартире.

Банникову нравился старый, деревянный лифт, с громыхающими дверьми и громыхающими реле.

Банникову нравилось наступать на платформу лифтового пола, мягко опускающуюся под ногой, громко громыхнуть сетчатую дверь лифтовой сетчатой шахты, аккуратно прикрыть узкие, деревянные дверки с узкими, мутными оконцами, постоять несколько секунд внутри исцарапанного, изрисованного деревянного корпуса, нажать на кнопку седьмого этажа. Пусковое реле громыхало так, что деревянная кабина вздрагивала от неожиданного грохота и медленно поднималась.

Банников наблюдал за опускающимися сетчатыми железными лифтовыми дверьми.

Лифт останавливался сразу всем своим деревянным телом, подбрасывая пассажира вверх.

Банников пережидал несколько секунд на седьмом этаже, нажимал кнопку второго этажа.

Пусковое реле громыхало, лифт вздрагивал, кабина медленно опускалась.

Входная квартирная дверь, ровесница дома, окрашенная десятком слоёв масляной краски, открывается внутрь квартиры.

Полы в прихожей и на кухне застелены досками, крашеными масляной краской. Дорожка, протёртая в красной охре, на полу, тянется по всей прихожей, по срединной линии до края почерневшего линолеума, покрывавшего пол на кухне.

Стены прихожей оклеены светло-светло рыжими, выцветшими обоями с неясным рисунком.

Слева от входной двери, почти до двери в комнату Банникова, стенной шкаф Любови Аркадиевны.

Дверь в комнату Банникова сразу за стенным шкафом Любови Аркадиевны.

Окна в комнате Банникова на запад и на север.

Справа, между входной дверью и стенным шкафом Банникова, вешалка для одежды и галошница. На вешалке пальто, куртка, сапоги, туфли, кроссовки Любови Аркадиевны, куртки, ботинки, кроссовки Банникова.

Сразу за вешалкой, стенной шкаф Банникова.

Телефонная полка с древним, потемневшим телефоном перед самым углом стены, перед поворотом прихожей на кухню.

Антресоль занимала потолок всей прихожей, от двери в комнату Банникова до кухни.

Люстра в прихожей висела перед телефонной полкой, - стеклянная тарелка с двумя перегоревшими лампочками и одной работающей лампочкой.

Дверь в комнату Любови Аркадиевны, напротив двери в ванную. Комната Любови Аркадиевны с окнами на север и восток.

Окна кухни выходит на восток, во двор дома над подъездным козырьком, в окно виден короткий отрезок Проспекта Мира.

Посередине кухонного потолка висела такая же, что и в прихожей, круглая люстра, белая, матовая тарелка с тремя работающими лампочками.

Справа от кухонной двери древняя чугунная раковина, над раковиной сушилка для посуды, слева от раковины четырёх конфорочная газовая плита, слева от плиты кухонный стол Любови Аркадиевны, над столом полка, стул стоит спинкой к простенку между столом Любови Аркадиевны и обеденным столом Банникова.

Слева от окна древний, трофейный немецкий буфет, привезённый из Германии в сорок пятом прежними жильцом. Буфет окрашен кистью белой масляной краской.

Банников ничего в буфете не хранил и, даже, не ставил на буфет посуду. Разобрать и выбросить этот прогнивший буфет, у Банникова руки не доходили. Буфет стоял пустой, держался на толстом слое белой масляной краски и на ржавых, тонких, немецких ещё, гвоздиках.

Телефон зазвонил сразу после того, как лампочка, которую Банников поменял в люстре, вспыхнула в его руке.

Банников, стоя на стуле, наклонился, снял с телефона трубку.

Банников:

- Аллё.

Мама Банникова:

- Август, ты почему не звонишь!? Мы тебе звоним по сотовому! Почему ты не берёшь трубку!?

Банников:

- Здравствуй, мама. Меняю лампочки в прихожей.

Мама Банникова:

- Ты давно не приезжал!

Громыхает лифтовое реле, лифт, гремя цепями и валиками, движется в лифтовой шахте к первому этажу.

Банников:

- Мама, я приеду на следующей неделе. На работе... Очень много работы, не успеваем. Работаем по выходным.

Мама Банникова:

- Сегодня воскресенье.

Лифт останавливается на первом этаже.

Банников:

- Мама, мне надо постирать, закупить продукты, прибраться.

Громыхает железная дверь лифта, стучают внутренние деревянные дверцы лифта.

Мама Банникова:

- Свои тренировки ты никогда не пропускаешь.

Громыхает реле, лифт карабкается вверх.

Мама Банникова:

- Говорила тебе, брось свои книги с гантелями, найди женщину. Сейчас бы жил не тужил. А, где твоя Рая? Почему она за тобой не ухаживает.

Банников:

- Для этого надо расписываться.

Лифт останавливается на третьем этаже. Стучают внутренние дверцы лифта.

Мама Банникова:

- Август, когда ты наберёшься мужества и распишешься!?

Громыхает железная дверь лифта.

Любовь Аркадиевна, покашливая в кулак, выходит из комнаты, входит в ванную, включает воду.

Банников:

- Мама, это не телефонный разговор. Любви Аркадиевне надо срочно позвонить. Из ванной, сквозь шум воды, слышен кашель Любви Аркадиевны.

Мама Банникова:

- Как её здоровье?

Банников:

- Нормально.

Мама Банникова:

- Передавай ей привет и обязательно приезжай.

Банников:

- Мама, приеду на следующей неделе.

Мама Банникова:

- Приезжай в любой день, мы тебя ждём.

Банников:

- До свидания, мама.

Мама Банникова:

- До свидания, Август, приезжай.

Банников кладёт трубку на телефон, выкручивает из патрона вторую перегоревшую лампочку, кладёт лампочку на полку для одежды, вкручивает новую лампочку.

Лампочка вспыхивает в его руке.

Банников слезает со стула, берёт перегоревшие лампочки, проходит на кухню.

Солнце освещает торец оконной рамы, угол буфета.

Банников бросает лампочки в ведро для мусора, стоявшее под его столом.

Слышится писк.

Банников прислушивается.

Писк доносится из буфета.

Банников трясёт древний, полуразвалившийся буфет.

Писк прекращается.

Слышен шум разбегающихся тараканов.

Десяток тараканов выбегают из-под буфета, разворачиваются, убегают под буфет.

Один таракан бежит под столом Банникова через кухню, прячется под столом Любви Аркадиевны.

Банников ополаскивает руки.

Слышен писк.

Банников бьёт по буфету ногой.

Писк прекращается.

Слышен шум разбегающихся тараканов.

Десяток тараканов выбегают из-под буфета, забегают обратно под буфет.

Любовь Аркадиевна выходит из ванной.

Банников:

- Любовь Аркадиевна, мама передаёт Вам привет.

Любовь Аркадиевна встаёт в дверях своей комнаты, смотрит на Банникова, сжимает в кулаке халат на груди:

- Спасибо, Август. Когда она соберётся к нам?

Банников:

- Собиралась на мой день рождения.

Любовь Аркадиевна опускает голову.

Любовь Аркадиевна:

- В конце лета...

Любовь Аркадиевна, сдерживая кашель, входит в свою комнату.

Солнце заглядывает в комнату Банникова по вечерам, после пяти часов.

Слева, сразу за дверью, холодильник, напротив холодильника окно, выходящее на запад.

Обеденный стол в углу, в простенке между окнами. Справа от окна, выходящего на север, письменный стол с компьютером, над столом книжные полки. В простенке между окном, выходящим на запад и углом, диван, над диваном на стене ковёр. В торце комнаты книжный шкаф,

набитый книгами. На верхней крышке книжного шкафа стеллажи с пластинками, дисками СД, коробки с видеокассетами.

Платяной шкаф в простенке между углом и дверью.

Две гири по шестнадцать килограммов стоят в углу за шкафом.

Древний буковый паркет в комнате Банникова. Паркет покрыт новым лаком.

Банников быстро переодевается, берёт спортивную сумку, выходит из комнаты.

Банников аккуратно закрывает за собой дверь. Английский замок холодно щёлкает.

Банников надевает кроссовки в прихожей, выходит из квартиры.

Английский замок на входной двери холодно щёлкает.

Громкий, отчаянный кашель Любви Аркадиевны.

Всё меняется.

Мы живём в пространстве перемен. Что-то меняется быстро, что-то медленно и не заметно.

Крохотные структурки и системки стойки и живучи, меняются медленно и не охотно. Казалось бы, что структурки и системки должны меняться не просто быстро, а мигом. Но часто бывает наоборот. Именно начальные структуры наиболее устойчивы к изменениям.

Огромные системы меняются быстрее.

Один из выходов метро «Проспект Вернадского», из которого вышла Дарико, в девяносто седьмом году находился рядом с парком «Имени пятидесятилетия октября».

Транспарант «День независимости России» висел на стене кинотеатра «Звёздный».

Государственные флаги висели на столбах.

Две поливальные машины проехали по улице Удальцова к Мичуринскому проспекту.

Дарико выходит из метро «Проспект Вернадского», пошла направо, пешком, по улице Удальцова, вдоль парка «Имени пятидесятилетия октября».

Дарико одета в лёгкий белый летний плащ, в лёгкое, голубое, красивое летнее платье, в красивые золотистые туфли, чёрные волосы Дарико взлетают в ветре.

Солнце светит в лицо Дарико.

Дарико, не моргая, смотрит на Солнце.

Всё-таки есть в городском воздухе что-то, что материализует самые паршивые желания.

По дорожкам парка бегают.

И тени, слоняющиеся между домами, среди людей, считают эти желания реальностью.

Мамы с колясками и детишками прогуливаются по тротуару.

Вообще-то, тени не так уж и плохи. Не заметные, неброские, сливаются с цветом стен, с цветом одежд, с цветом городских сумерек.

Детишки катаются на трёхколёсных самокатах и трёхколёсных велосипедах.

Дарико смотрит на Солнце, переводит взгляд на деревья в парке.

Теням уютнее в городе.

Мимо Дарико проносятся подростки на роликах и самокатах.

Жизнь на том свете почти ничем не отличается от предыдущей.

Дарико кивает головой вслух:

- Кроме одной или нескольких деталей.

Дарико останавливается на переходе, на перекрёстке улицы Коштова и улицы Удальцова.

Дарико смотрит налево.

Народ возвращается домой после работы.

На этом свете, на каком именно?

Дарико переходит улицу Удальцова, посередине улицы Дарико смотрит направо.

На столбах и на зданиях вывешены государственные флаги.

Дарико идёт по улице Коштова.

Дарико подходит к своему дому.

Толстяк сидит на лавочке, стоящей у подъезда.

Толстяк в старых, затёртых джинсах, в старых сандалиях, бритый наголо, с огромным брюхом, всегда, зимой и летом в расстёгнутой рубашке, расстёгнутой до самого живота, открывающей грудь, розовую, безволосую, в синих венах.

Толстяк замечает Дарико, встаёт со скамьи, топчется на месте, время от времени поглядывает на Дарико кроткими глазами.

Дарико проходит мимо Толстяка:

- Здравствуй, Толстый.

Толстяк краснеет, опускает глаза, идёт следом за Дарико.

Тень Толстяка толкает головой ноги Дарико.

Солнце освещает двор.

Всё меняется. Кроме одной или нескольких деталей.

Структурки и системки меняются или моментально, или не меняются.

Толстый то же изменился. Автомобили вод дворе всякий раз стоят иначе. Деревья подрастают. Каждая ветка не меняется и меняется одновременно с не меняется. Солнце остаётся прежним. И для этого мира и для того.

Толстый изменился. Потерял быстроту движений, стал душевнее, плавнее. Толстяк так и живёт на десятом этаже.

Дарико шевелит лопатками. Спина прижата к металлической стене лифта.

Стена металлическая, меняется медленно.

Толстяк, глаза собраны к переносице, красное, потное лицо, дрожащие щёки, прижимает Дарико животом к стене, часто, глубоко дышит.

Толстяк смотрит в глаза Дарико.

Толстяк дрожит, засунув руку в штаны.

Лифт останавливается, двери открываются.

Толстяк сопит, трясётся, закатывает зрачки под верхние веки, старается поймать левой рукой руку Дарико.

Дарико неспешно, тихим голосом:

- Зачем? Мы же в аду.

Толстяк испуганно-удивлённо, скидывает лицо к Дарико:

- А?

Дарико:

- Выходи, карапуз.

Толстяк, пятится, выходит из лифта, не сводит глаз с Дарико.

Дарико:

- Мы в аду. Ты часть ада, я часть ада, милиция часть ада. Мы делаем то, что выгодно аду.

Карапуз, нажми на одиннадцатый этаж.

Толстяк, осторожно, боком, подкрадывается к лифту, осторожно засовывает левую руку в лифт, нажимает на кнопку одиннадцатого этажа, выдергивает руку из лифта.

Двери лифта закрываются.

Дарико одна в лифте, поднимающимся вверх.

Двери лифта открываются.

Тишина на площадке.

Дарико выходит из лифта, подходит к двери на квартирную площадку, раскрывает сумочку.

Не слышно, не заметно Официум в чёрном выходит на лифтовую площадку из лестничной двери, встаёт в дверях, руки в карманах чёрной кожаной куртки.

Официум в чёрном холодным, хриплым, нутряным голосом:

- Этот полуумок до сих пор на тебя дрожит?

Дарико вздрагивает, оборачивается, неспешно, тихим голосом произносит:

- Мы же в аду.

Лицо Официума в чёрном искажает гримаса ненависти.

Официум в чёрном подходит к Дарико, вытаскивает руки из карманов, рычит злым, холодным, нутряным, хрипловатым голосом.

Официум в чёрном:

- Конечно, в аду.

Официум в чёрном изо всей своей бьёт Дарико кулаком в лицо.

Потолок прыгает наискось, болтается из стороны в сторону с первой космической скоростью, размазывает углы и тени, не в силах оторваться от стен.

Дарико падает.

Официум в чёрном перешагивает Дарико, встаёт над Дарико, расставив ноги, нагибается к Дарико.

Всё меняется. Ад то же меняется. Боль меняется. Каждому событию предполагается одно единственное решение. Если больше, то задача не имеет решений в данной системе и сансара, - нирвана.

Официум в чёрном хватает Дарико правой рукой за горло, трясёт, словно вырывает горло Дарико.

Дарико двумя руками держится за руку, сжимавшую её горло, смотрит спокойными глазами.

Сансара, - нирвана.

Глаза Дарико закатываются, из угла рта Дарико течёт слюна.

Официум в чёрном злым, тёплым, хрипловатым, нутряным голосом:

- Я оставлю тебе билет на самое, ... на самое ...

Официума в чёрном трясёт от ярости и ненависти.

Официум в чёрном:

- ... дно ада. Вернёшь, когда скажу.

Официум в чёрном приподнимает за горло голову Дарико к своему лицу, заглядывает в спокойные глаза Дарико, швыряет Дарико на пол.

Дарико ударяется головой об пол.

Официум в чёрном смотрит сверху вниз на Дарико ненавидящими глазами, вытаскивает из-за пазухи чёрный полиэтиленовый пакет, бросает на грудь Дарико.

Официум в чёрном:

- Здесь девятьсот граммов. Храни, как свою любовь.

Официум в чёрном не сильно ударяет мыском ботинка по ягодице Дарико, крутит мыском ботинка, словно вытирает ботинок о ягодицу Дарико, выходит в лестничную дверь.

Дарико трясёт.

Потолок трясёт стены, но стены держат потолок.

Дарико медленно садится на полу, сжимает свёрток в кулаке.

Дарико поднимается на ноги, прислоняется спиной к стене, открывает сумочку, бросает свёрток в сумочку, достаёт из сумочки ключи.

Нирвана то же меняется и меняет сансару.

Врачи меняют сансару изнутри, качки меняют сансару снаружи, нирвана остаётся неизменной.

Солнце кружит вокруг Земли и меняет Землю. Но вечером всегда светит в окно кухни.

Дарико бросает сумочку на стол, открывает полку, достаёт с полки коробку из-под крупы, открывает, достаёт коробку со шприцем и резиновую трубку, бросает на стол.

Дарико сидит на кухне за столом, упирается локтями в стол, положив голову на ладони, смотрит в окно.

Чёрные волосы Дарико обрамляют её лицо.

Рукав красивого летнего платья на левой руке закатан выше локтя.

Шприц с безцветной жидкостью и резиновая трубка лежат на столе перед Дарико.

Солнце освещает пятиэтажки на противоположной стороне двора.

Дарико медленно обматывает руку резиновой трубкой.

Дарико берёт шприц.

Дарико вводит иглу шприца в вену, вводит в вену безцветную жидкость.

Дарико роняет шприц на стол.

Дарико сидит за столом.

Дарико очень медленно поднимается из-за стола.

Солнце проваливается внутрь тела и светит изнутри, меняет сансару. Солнце и нирвана одно и то же. Солнце одно на все жизни. Солнце в каждой жизни меняет сансару и снаружи, и изнутри и сансара становится Солнцем.

Солнце, - нирвана.

Дарико очень медленно идёт по комнате, на ходу расстёгивая молнию на платье, на спине.

Дарико в комнате сбрасывает платье, остаётся в колготах, в трусах, в бюстгальтере, выходит на балкон.

Дарико стоит на балконе, положив руки на поручень, смотрит на восток.

Солнце закатилось за горизонт и в небе появились звёзды.

Нирвана повторяет внутри себя Солнце каждой жизни и в ночном небе появляются новые солнечные сансары.

Чёрные волосы Дарико радуются ветру.

Дарико резко, глубоко вздыхает, еле слышно вскрикивает.

Дарико:

- А!

Дарико откидывается назад, пальцы Дарико вцепились в поручень.

Дарико вздыхает, опускает голову между рук ниже поручня.

Чёрные волосы повисли на её руках.

Дарико:

- А!

Дарико, согнувшись, быстро, часто топает ногами по балкону, приседает.

Дарико:

- А-а-а!

Дарико сидит на корточках. Дарико трёт ногами друг о дружку, держится руками за поручень, уткнувшись лбом в ограждение.

Дарико:

- А-а-а... А-а-а-а...

Одна и та же поза становится нирваной. Если просидеть в одной позе очень, очень долго, то что-то останется неизменным и станет нирваной.

Дарико медленно поднимается.

Дарико прижимается животом к ограждению балкона, смотрит вниз.

Чёрные волосы Дарико свешиваются по бокам головы, раскачиваются в ветре.

Что-то сильно, тупо бьёт Дарико в живот.

Дарико задыхается, живот Дарико сводит и Дарико рвёт.

Дарико наблюдает за желчью, падающей во двор и разбивающейся на капли.

Вдруг, с нижнего балкона показывается круглое лицо Толстяка.

Толстяк:

- Эй, тебе плохо?

Дарико, осторожно, чётко произносит слова:

- Ты прости, я твоим детёнышем блеванула.

Толстяк краснеет.

Дарико смотрит вниз.

Дарико тёплым, бесконечно любящим голосом:

- Разбился.

Лицо Толстяка искривляется. Толстяк рыдает. Толстяк рыдает, корчит смешные рожи и смотрит вверх, на Дарико.

Дарико не смеётся.

Дворовая вода поднимается с асфальта сиреневой тенью, душит, не давая вдохнуть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.